

Игры на климатическом поле

Энергоэффективность во многом определяется низкоэмиссионными технологиями

2010-03-23 / Михаил Анисимович Юлкин - руководитель Рабочей группы по вопросам изменения климата Комитета по природопользованию и экологии РСПП.

Россия намерена продвигать новые технологии по уменьшению выбросов, хотя потепление мирового климата поставлено под вопрос.
Александр Экстер. Город ночью. Государственный Русский музей

В феврале и марте президент России Д.А.Медведев провел серию совещаний по вопросам изменения климата. В своем февральском выступлении, в частности, президент не только подвел итоги Копенгагенской конференции, предсказуемо охарактеризовав их как провал, но и обозначил планы России на будущее, сформулировал, так сказать, стратегию и тактику на дальнейшую игру. Странным образом это важнейшее событие осталось едва замеченным в прессе и практически не прокомментированным специалистами. Между тем значение его трудно переоценить.

Февральские тезисы

Если совсем коротко, то суть президентского выступления по вопросу изменения климата сводится к трем основным тезисам: 1) провал Копенгагенской конференции не повод складывать руки; 2) заниматься снижением выбросов нам выгодно, и мы будем делать это независимо от наличия международного соглашения; 3) необходимо привлечь бизнес к решению проблем изменения климата, иначе ничего не выйдет.

Да, признает президент, к большому сожалению, Копенгагенская конференция потерпела фиаско. Вместо всеобъемлющего, юридически обязывающего международного документа, который определял бы целевые ориентиры, рамки и финансовые механизмы деятельности в области смягчения климатических изменений и адаптации к ним после 2012 года, была принята наспех, буквально в последнюю ночь, подготовленная лидерами ведущих мировых держав политическая декларация с не вполне понятным международно-правовым статусом, которую к тому же не все страны подписали.

Но это не повод, чтобы успокаиваться и ничего не делать. Наоборот, считает президент, надо действовать. Надо с максимальным эффектом использовать то, что уже было сделано, в том числе результаты Копенгагенской конференции, пусть и скромные. Надо определиться с тем, как дальше выстраивать отношения с основными игроками на климатическом поле. Наконец, надо наметить оптимальные пути оказания помощи менее развитым государствам в их борьбе с климатическими угрозами.

Потому что мы все отвечаем за состояние климата на нашей планете. А также и потому, что это реальный шанс для масштабного внедрения чистых, энергоэффективных, низкоэмиссионных технологий, шанс для прорывных решений в области науки и техники. Потому что это и есть тот самый зеленый рост, который сейчас является приоритетом для технологической политики всех стран.

А значит, Россия будет заниматься энергоэффективностью и снижением выбросов независимо от наличия международного соглашения. Это нам выгодно и с экономической, и с экологической точки зрения. Соответственно Россия остается привержена заявленной ранее цели – снизить выбросы парниковых газов на 25% к 2020 году от уровня 1990 года. По мнению президента, эта цель вполне реальна, и мы можем ее добиться, реализуя планы по структурному изменению экономики.

При этом все принимаемые в этой сфере решения должны опираться на позицию бизнеса. Потому что, если бизнес не почувствует свой интерес, ничего не получится. И все разговоры о том, что планета под угрозой, так и останутся разговорами. И значит, наша задача – сделать так, чтобы бизнес этот свой интерес почувствовал и отозвался на вызовы времени так, как только и может отозваться – новыми инвестициями.

Разбор полетов

Замечательные слова сказал президент, правильные! Вопрос теперь в том, как это будет реализовано на практике. И будет ли.

Например, уже и сейчас имеется возможность в рамках действующего Киотского протокола продавать иностранным покупателям сокращения выбросов парниковых газов, достигнутые в результате реализации проектов, и тем обеспечивать не только ускоренную (а то и обычную) окупаемость проектов, но и приток в страну дополнительных средств. И что же? По истечении двух (из пяти) лет действия Киотского протокола ни одного проекта в России для этих целей не утверждено. Хотя потенциал сокращения выбросов огромен. А уж о потребности российских компаний в дополнительных источниках финансирования в условиях нынешнего глобального экономического кризиса и говорить неудобно, в зубах навязло. Они в большинстве своем по текущей-то деятельности с трудом концы с концами сводят, а уж об инвестициях и не помышляют. Несмотря на сердитые окрики и понукания из самых высоких правительственных кабинетов.

Нет чтобы вместо этих высочайших окриков да понуканий обеспечить компаниям беспрепятственный доступ к углеродному рынку и к тем несметным капиталам, которые там обращаются. Счет ведь уже на сотни миллиардов долларов идет. Глядишь, компании тут и оживились бы, начали бы мало-помалу инвестировать, свои замороженные проекты размораживать и в жизнь претворять, чистые, низкоэмиссионные технологии внедрять, энергоэффективность повышать, альтернативное топливо использовать, возобновляемую энергетику развивать.

Куда там! Правительственными решениями определен конкурсный порядок отбора и утверждения проектов для целей Киотского протокола. И лимит установлен – не более 30 млн. тонн CO₂ на один тендер. И критерии оценки проектов прописаны такие, что хоть стой, хоть падай. А состав судейской коллегии, которая должна эти оценки выставлять и отбор проектов производить, наоборот, не прописан. Так что вопрос «а судьи кто?» сразу становится неуместен. Ни в одной стране мира ничего похожего нет, а у нас есть. А все потому, надо полагать, что мы исключительно заботимся о том, как бы с максимальным эффектом использовать то, что наработано в рамках климатических соглашений. Неясно только, с максимальным эффектом для кого.

Зато в Украине уже 20 проектов осуществляется в рамках Киотского протокола, в Чехии – 65, в Польше – 14, в Германии – 13, в Венгрии – 10, в Эстонии, Литве и Новой Зеландии – по 6. У нас – ноль. Баранка.

Та же история с другим киотским механизмом, который позволяет странам продать излишнюю квоту на выбросы и направить вырученные средства в экологические проекты. У нас этой излишней квоты аж на 6 млрд. тонн CO₂. Сколько из этого продали и полезно использовали с максимальным эффектом? Ничего! Уже и Украина продала, и Венгрия, и Чехия, и Болгария, и кто только не продал. Даже кто и не мечтал. Многие успели уже и деньги получить и на полезное дело потратить. А мы все никак не хотим с печи слезть, чтобы плывущие нам в руки деньги собрать и на нужные, экономически и экологически выгодные нам проекты пустить. И как в этих условиях можно рассчитывать на массовое внедрение чистых, энергоэффективных, низкоэмиссионных технологий и на прорывные решения в области науки и техники, непонятно.

А между тем заниматься энергоэффективностью и снижением выбросов нам действительно необходимо. Мировая экономика ускоренными темпами переходит на низкоуглеродный путь развития, на новые источники и технологии получения энергии, новые энергосберегающие технологии. И мы не можем себе позволить стоять в стороне. Ведь что означает на практике заявленная США и странами ЕС цель снизить выбросы парниковых газов на 80% к 2050 году? Она означает, что в 2050 году потребление ископаемого углеводородного топлива в этих странах будет меньше нынешнего в 5 (!) раз.

Вместо юридически обязывающего международного документа на Копенгагенской конференции была принята политическая декларация с не вполне понятным международно-правовым статусом.
Фото Ольги Баумгертнер

А мы как бы этого не замечаем (или делаем вид, что не замечаем) и продолжаем по инерции развиваться на традиционной основе. Преобладающей статьёй нашего экспорта остаются ископаемое углеводородное топливо и продукты первичной переработки природного сырья. «Углеродоемкость» нашей продукции одна из самых высоких в мире – в 3–4 раза выше, чем в странах ЕС. В перспективе (причем раньше, чем мы можем себе представить) наша продукция может оказаться неконкурентоспособной, что приведет в ряде случаев к ее полному вытеснению с международных рынков.

В то же время Россия имеет возможность развивать альтернативную энергетику и поставлять на мировые рынки зеленую энергию и биотопливо. В частности, на севере России имеется значительный потенциал для развития ветровой и приливной энергетики, на юге можно развивать солнечную энергетику, на востоке – геотермальную. По запасам древесины Россия занимает 1-е место в мире, но технологиями производства биодизеля и биобензина мы еще не владеем.

С учетом этого нужно срочно скорректировать стратегию развития экономики России на перспективу с учетом глобального изменения климата и тех решений, которые принимаются на международном уровне и на уровне отдельных стран для его смягчения.

Необходимо, разумеется, выстраивать и соответствующие отношения с основными игроками на климатическом поле. От этого во многом будет зависеть, успеем ли мы встроиться в новую низкоэмиссионную экономику, получим ли мы необходимые средства и помощь для решения этой задачи и на каких условиях. Однако надо понимать, что генеральная линия на построение низкоуглеродной экономики необратима и возврата не будет. Даже из уважения к нам и признания нашей особой роли в мире.

И не надо делать удивленные глаза и вставать в позу, когда наши партнеры говорят о защите своих рынков от продукции, поставляемой из стран, где выбросы парниковых газов не контролируются, а углеродоемкость продукции не отвечает международным стандартам. Или когда категорически выступают против всякого рода государственных субсидий, налоговых льгот и других особых привилегий производителям и потребителям продукции, топлива и энергии с высокими удельными показателями выбросов.

Мы на пороге новой эры, которая предъявляет новые требования. России предстоит совершить скачок в постиндустриальное общество, к новой экономике, основанной не на ресурсо-, а на наукоемких технологиях и человеческом потенциале. Надеюсь, что, говоря о структурной перестройке экономики, которая должна помочь нам сократить выбросы на 25% к 2020 году, президент имел в виду именно это.

Однако с помощью одного только «Роснано» проблему не решить. Требуется коренная перестройка всей экономической системы. Для начала надо хотя бы перестать сливать страну в офшор, прекратить рейдерские наезды на ведущие университеты, снять барьеры для развития частного предпринимательства во всех отраслях, особенно в сфере инноваций и высоких технологий.

И, конечно, без заинтересованности бизнеса не обойтись. Необходимо обеспечить доступ к углеродному рынку всем желающим без ограничений и конкурсных процедур. Возможность реализовать достигнутые сокращения выбросов на углеродном рынке должна стать важным экономическим стимулом, побуждающим компании вкладывать средства в современные высокоэффективные технологии, энергосбережение, повышение энергоэффективности, развитие возобновляемых источников энергии.

В то же время пора начать регулировать выбросы парниковых газов в России. Для этого в первую очередь должны применяться соответствующие технические стандарты: нормативы энергоемкости техники, оборудования и потребительских товаров длительного пользования, нормативы расхода топлива для транспорта, нормативы на выбросы особо опасных парниковых газов и т.д. Эти нормативы должны без ограничений и изъятий применяться как к отечественной, так и к импортной продукции. При этом во всех случаях за основу для их установления следует принять показатели наилучших доступных технологий.

Наряду с этим следует применять систему квотирования и торговли выбросами. В идеале российская система квотирования и торговли выбросами должна быть совместима в своих основных чертах с аналогичной европейской и американской системами. В первую очередь это касается принципа установления квот на выбросы и охвата секторов. Это необходимо не только ради смягчения климатических изменений, но и ради повышения конкурентоспособности отечественных производителей.

Думаю, что при соблюдении всех необходимых условий мы будем готовы играть и выигрывать на климатическом поле. В противном случае мы обречены будем бесконечно разбирать полеты, искать причины поражений и по привычке наказывать не причастных. Как после давешней Олимпиады в Ванкувере.